

Что выбираешь
Ты?

ЛИНА КОВАЛЬ
ПРЕДАТЬ

Нельзя

ЛЮБИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Лина Коваль

Предать нельзя любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946279

SelfPub; 2023

Аннотация

Арсений Долинский – самый крутой в городе адвокат. А я Арина Плевако – обычная девчонка, выросшая в детском доме и решившая помочь отчиму. Всё шло неплохо. До тех пор, пока я не влюбилась...

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Арина.	8
Глава 2. Арина.	17
Глава 3. Арина.	22
Глава 4. Арина.	28
Глава 5. Арина.	34
Глава 6. Арина.	40
Глава 7. Арина.	46
Глава 8. Арина.	51
Глава 9. Арина.	58
Глава 10. Арина.	66
Глава 11. Арина.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лина Коваль

Предать нельзя любить

Пролог.

Беспокойное чувство словно рыболовная сеть вытягивает меня со дна и медленно направляет к свету. По пути встречаю самых близких...

Сначала мама... Моя мамочка! В последний раз я ее видела в пять лет, поэтому практически не помню тонкий образ, но бережно храню в закоулках памяти аромат светлых волос и то, как она улыбалась.

Мама держит перед собой раскрытую ладонь. Не успеваю её коснуться, потому что гадкая сеть всё еще управляет моим телом.

Затем сталкиваюсь с Виктором Андреевичем, мужем мамы. Он отчего-то дьявольски хохочет и потирает ладони. Справа от него вырастает Тёма, мой бывший парень. Он, как и в день, когда мы расстались, называет меня бездушной тварью и смачно сплёвывает.

Арсения я встречаю уже почти вынырнув из толщи воды. Его глаза практически слились с цветом морской пучины, а на лице выражение горького разочарования... И уязвимости. Такой мужской уязвимости, которую не принято демонстри-

ровать.

– Арс, – кричу я, пытаюсь ухватиться за широкие плечи любимого.

Но не успеваю, потому что сеть наконец-то вырывает моё сознание из сна, и я разлепляю глаза...

– Арс, – зову еще раз, проверяя рукой соседнюю подушку. Поднимаюсь на кровати и встречаюсь с теми же глазами, что и во сне. Только теперь в них нет уязвимости. Вообще, вряд ли в реальности кто-то видел на этом суровом лице подобные эмоции. В его руке... красная папка.

Сердце сбоит, пропускает удары один за одним. А те, что все-таки случаются, бахают прямо в ребра.

Боже, нет, пожалуйста! Он всё узнал!

Быстро пробегаюсь глазами по полуобнаженному телу. Милый шрам на плече, который целовала много раз перед сном. Основательные мышцы на груди, безупречный пресс и тонкая дорожка коротких волосков, уходящая в пах. На ногах те же спортивные брюки.

Если он все узнал, я вижу его... такого в последний раз... В последний раз...

Возможно, он замечает, как сотрясается мой подбородок, потому что нарушает тягостное молчание:

– Пошла вон, Арина, – кивком указывает на дверь.

От страха и острой боли не могу дышать. Словно снова со всей дури окунули.

Его глаза снова холодные и пустые. На лице брезгливая

маска. Ни намёка на прошедшую ночь и то, что еще пару дней назад в любви признавался.

– Я не виновата, Арс,— сбивчиво шепчу. – Ты... утверждал, что каждый человек имеет право на защиту.

В меня летит нижнее бельё и мятое платье.

– Ты не человек! – цедит он глухо. – И тебе придётся за всё ответить...

Вскакиваю и не замечаю прорывающейся плотины из слез, словно в замедленной съемке надеваю стринги и лиф. Поясницу припекает от обжигающего ненавистью взгляда.

Черт.

Ничего не могу с собой поделать.

Всхлипываю. Еще и еще. Раз за разом.

Платье всё никак не могу застегнуть. Вчера этим занимались его заботливые руки, а сегодня я уже недостойна. Потому что он всё выяснил.

Я так боялась, что это случится с нами...

Оставляю попытки победить проклятый бегунок и на ватных ногах добираюсь до прихожей. За спиной ощущаю движение.

Черт.

В порыве страсти он разодрал мои колготки, а запасных у меня нет. Придется уйти так. Натягиваю высокие сапоги и хватаюсь за пальто.

– Вещи потом заберешь, – сообщает он с отвращением. – Мальчика своего отправишь, если что.

Словно пиранья впиваюсь в его лицо глазами.

– У меня нет никакого мальчика! – рывкаю, пытаюсь сдерживать истерику внутри.

– Не ври мне, сука, – притягивает меня за локоть и больно встряхивает. – Иначе я просто убью тебя.

Подцепляю сумку.

– Ты можешь мне не верить, – тихо шепчу, отпирая замок. – Но это не я. Я... хотела. Но не смогла. Когда любишь, предать невозможно.

– Пошла нахрен отсюда. И бойся. Ходи по улицам и оглядывайся. Поняла?

Вываливаюсь в подъезд и сбегая на один этаж и усаживаюсь на подоконник. Реву навзрыд не стесняясь. Так громко, что Елена Степановна, соседка Арсения, с которой я недавно подружилась, поспешно открывает дверь.

– Ариша, что случилось? – изумленно разглядывает мои обнажённые ноги и залитое слезами лицо.

– Ничего, – качаю головой, вскрывая сумочку.

Медленно рассматриваю содержимое своего кошелька.

У меня *ничего* нет. Ни квартиры, ни денег. НИ-ЧЕ-ГО!

Только почему-то об этом не думается. Перед глазами выражение уязвимости на любимом лице...

Глава 1. Арина.

– Вам назначено? – спрашивает женщина лет пятидесяти и удивленно опускает очки в роговой оправе.

– Да, – пытаюсь справиться с собой.

Эмоций куча, голос дрожит.

Я впервые пришла устраиваться на работу, о которой ничего не знаю. К человеку, при одном виде на которого пальчики на ногах поджимаются. Хоть и подсмотрела его только на фотографии.

– Арина Владиславовна Плевако, – произношу, делая акцент на своей чудной фамилии.

– Да, действительно. Записаны на собеседование, – ещё раз недоверчиво достаивает взглядом юбку, едва прикрывающую ноги.

Закусываю нижнюю губу и ругаюсь про себя.

Так и знала, что будет слишком вычурно. В моем гардеробе нет подходящих вещей для такого священного мероприятия, как визит в адвокатскую контору «Долинский и Ко».

– Арсений Рудольфович ждёт вас. Это вы с собой возьмете? – кивает на картонную подложку, которую я торжественно держу перед собой.

– А.. Да, – мило улыбаюсь. Надежда Георгиевна, мой любимый воспитатель говорила, что улыбка Плевако способна

брать города и страны. По сей день пользуюсь.

– Ну-ну, – качает головой женщина и указывает в сторону. – Вам туда.

– Спасибо, – легкомысленно пожимаю плечами, поправляя злополучную юбку.

Отворяю дверь в кабинет Дракулы.

– Добрый день, Арсений Рудольфович, – здороваюсь. Вроде, выходит славно.

Мужчина разворачивается от большого панорамного окна. Он без пиджака, в белоснежной накрахмаленной рубашке и безупречно отутюженных брюках. Вдобавок ко всему черные узкие подтяжки, придающие образу стиль и модный налёт.

Светлые волосы аккуратно подстрижены. Лицо холёное, гладковыбритое. Перевожу взгляд на обувь, которая сверкает так, будто её только что стащили с полки в каком-нибудь ЦУМе. Я там ни разу даже на экскурсии не была, но, мне кажется, эти туфли точно оттуда!

– Вы зависли? – спрашивает он безразлично. Ответно проезжается вдоль моего тела и недовольно поджимает губы, когда глаза регистрируют в судебном протоколе неподобающую длину юбки.

Чёрт. Мне во что бы то ни стало необходимо получить это место. Надо же было все испортить длинными ногами. Всегда полагала, что они должны выручать, а не топить едва начавшуюся карьеру.

– Я прошу прощения, Арсений Рудольфович, – произношу непременно улыбаясь. Он, конечно, крепкий орешек, потому что на моё главное оружие никак не реагирует.

Вообще! Ноль реакции.

Эй, – в воображении машу рукой и щелкаю пальцами перед идеальным носом. – Алё, ты точно мужик?

– Присаживайтесь, – Дракула холодно кивает на стул. Сам устраивается в просторном кожаном кресле во главе дубового стола, хаотично усеянного папками и документами.

– Я... вам кофе принесла. Американо и капучино. На выбор, босс.

Демонстративно ставлю перед ним подложку. В нос ударяет аромат мужской туалетной воды. Пахнет морем и чуть-чуть цитрусом.

– Кофе? – невозмутимо спрашивает адвокат, достаивая меня ледяным озером в глазах. – Зачем?

Настолько непонимающе, словно я ему в кабинет шезлонг с солнцезащитным зонтиком приволокла.

– Вам же требуется помощница. А значит, это моя обязанность, – благоразумно рассуждаю.

– Хмм...

Задумчиво потирает широкий подбородок ладонью.

– Вы точно знаете обязанности помощника юриста? – поднимает бровь. – Если нет, нам лучше не тратить время друг друга. Время – невозполнимый ресурс, которым я дорожу.

– Конечно, знаю, – начинаю тархтеть, падая на стул.

Я не конченная дурочка, хотя многие так и считают. Почему-то, когда люди узнают, что с пяти до тринадцати лет я росла в детском доме, сразу принимаются меня жалеть или невольно как-то подыгрывать, будто сама по себе я ни на что не способна. В моей жизни есть только два человека, которые в меня верят. Вернее, их осталось только двое...

— Ну, — Арсений Рудольфович берет в руки бумагу со стола. Подозреваю, что это мое резюме, составленное опытным хедхантером. — Арина Владиславовна... Плевако... хмм.. Родственница?

— Кого? — переспрашиваю изумленно.

Он удручающе вздыхает, так словно имеет дело с полной идиоткой. Мне даже кажется, про себя он словно «Отче наш» пропел все матерные слова, которые помнит. Хотя откуда Мистер Совершенство знает нецензурную лексику? Наверняка его с детства обучали только на кларнете музицировать и обходить стороной таких девочек, как я.

— Вы... — Подглядывает в резюме. — Арина Владиславовна... вы точно окончили юридический колледж?

— Конечно, — облизываю сухие губы.

— И вы ни разу не столкнулись с фамилией Плевако?! Поднимает на меня полные безразличия светло-синие глаза.

Черт! Когда уже придумают, как построить Википедию в человеческий мозг? Жутко неудобно попадать всякий раз впросак.

— Знаю, конечно, — становится жарко, и я тянусь к верхней

пуговице на шелковой рубашке. Не помню, где ее покупала, но очень порадовалась, когда среди прочего хлама обнаружила эту вещицу.

Арсений Рудольфович, вы просто не оставляете мне шанса.

Расстегиваю верхнюю пуговицу, а за ней еще одну. Будущий босс снова не реагирует.

Да, Господи! После такого представления паренёк на автомойке мне машину бесплатно целый час натирает. А этому хоть бы что...

– Ну, и кто такой Плевако?! – грозно спрашивает Долинский, упираясь локтями в столешницу. – И прекратите вздрагивать и раздеваться. Я адвокат с десятилетним стажем, меня кружевным лифом и смазливой мордашкой не проведешь.

Господи, пожалуйста, помоги!

Это единственное, что я воспроизвожу про себя, когда моё лицо вспыхивает под жестким взглядом.

Отчим постоянно повторял, чтобы я изучила документы в папке, которая предусмотрительно оставлена на кухонном столе. Если бы я только послушалась!

Телефонный аппарат неожиданно брякает. Одновременно с этим в моей голове происходит спасительный микровзрыв.

Точно! Как я могла *такое* забыть!

– Прошу прощения, – любезно проговаривает Арсений

Рудольфович и тянется к трубке.

Дорогая ткань рубашки обрисовывает внушительные бицепсы, заставляя меня снова облизнуть пересохшие губы.

– Да, – ровно отвечает адвокат, а потом удручающе вздыхает. – Пригласи её в переговорную. Сейчас подойду.

Аккуратно уложив трубку на место, откидывается на спинку кожаного кресла. Задумчиво осматривает мой светлый образ.

– Ответ готов? – спрашивает устало.

– Конечно, – одариваю его ангельской улыбкой. – Плевако – известный адвокат.

– И чем же он известен? – насмешливо переводит взгляд с пуговицы на шелковой рубашке к двум нетронутым стаканам с кофе.

Легко веду плечами. Фривольно, но на грани благопристойности.

– Неужели это так важно?! – спрашиваю, чуть теряясь. – Арсений Рудольфович, мне крайне необходима эта работа.

Мужчина снова погружается в чтение моего резюме. Длинные ресницы подрагивают, а губы сжимаются, когда из папки он достает еще один документ.

– Перед собеседованием мы проводим дополнительную проверку соискателей. Вам должны были об этом сообщить и предложить подписать согласие на обработку данных, – произносит, не отрываясь от листа.

– Всё верно, я... его подписывала, – соглашаюсь. Изучаю

изящные ухоженные пальцы на мужской руке.

– Вы воспитывались в детском доме? – растерянно сводит брови.

Закатываю глаза от раздражения.

– Давайте не будем делать на этом акцент.

Дракула поднимает на меня дьявольский взгляд. Глаза превращаются в сапфиры.

– В данном кабинете акценты расставляю я, – произносит зловеще.

– Просто... не люблю, когда меня жалеют, – тихо проговариваю и склоняю голову.

Это правда.

Жалость не приемлю, потому что долгое время у людей я пробуждала лишь эту эмоцию. Понимать, что тебя пригласили на день рождения одноклассника, так как его мама тебя пожалела – оскорбительно. Получать подарки на Новый год из фонда школы, а не от родителей – болезненно.

На глаза невольно выступают слезы, а Арсений Рудольфович проявляет небывалую тактичность, сделав вид, что не заметил.

Снова и снова испытываю на себе взгляд, ощущая, как его градус возрастает с ледяного до слегка прохладного. Мурашки проезжаются вдоль позвоночника, а лицо заливается краской.

Он мучительно долго разбирает меня на атомы...

– Я сейчас крайне занят, Арина, – тяжело вздохнув, сооб-

щает. – Моя юридическая интуиция указывает, чтобы я гнал вас взащей.

Поднимаю на него умоляющие глаза. Не представляю, как сообщу отчиму, что всё провалила в первый же день.

Одновременно с этим, у меня ни малейшего представления, каким образом я смогу обманывать столь проницательного юриста, который, кажется, видит меня насквозь.

– Ваша... хмм... юридическая интуиция никогда вас не обманывала? – робко спрашиваю.

– Лишь однажды, – отвечает и резко мотает головой, словно стряхивая воспоминания.

– Я готова на всё ради этой работы, – произношу жалко.

Мужчина поднимается и проходит к окну. Располагает ладони в карманах брюк. Мои глаза то и дело, съезжают к его идеальной пятой точке.

Господи, о чем я думаю вообще?!

– Хорошо, – словно приняв решение, разворачивается. – Приходите завтра к восьми. Без опозданий.

Подсказываю и взвизгиваю, отмечая, как Арсений Рудольфович недовольно мажет взглядом под открывшейся от импульсивных движений груди.

– Ой, простите, – прикрываюсь.

– Я ничего не обещаю, – предупреждает сурово.

– Конечно, вы не пожалеете. Клянусь, – говорю, подхватывая сумочку.

Мчусь к дверям, а потом резко торможу.

– Арсений Рудольфович, а можно вопрос?

– Исключительно, если он в области моей компетенции.

– О да, – многозначительно тяну. – Так всё же, – выгибаю

бровь. – Капучино или Американо?

Дракула раздраженно ухмыляется.

– Ступайте, Арина, – кивает на дверь. – Кофе мне делает секретарь.

Глава 2. Арина.

Полуденное солнце, кажется, вот-вот расплавит мой и без того затуманенный мозг. Это влияет на умственные способности, которых как говорила учитель математики, у меня «с мизинец таракана».

Единственное желание – снять шпильки и выкинуть их с обрыва в реку. Вместе с пугающими мурашками имени Арсения Рудольфовича Долинского, которые, по-моему, поселились на моей спине надолго.

Выйдя из здания конторы, забегая за угол и открываю дверь новенького Мерседеса представительского класса.

– Ну как ты, Кисуля? – говорит Тёма, мой парень и лучший друг с семилетнего возраста.

– Паршиво, – швыряю свою микросумочку на заднее сидение. – Но завтра к девяти утра барин велел явиться.

– Тц-ц, – громко цокает. – Поздравляю. Не сомневался в тебе, моя Киса.

Вяло улыбаюсь. Пытаюсь собрать прекрасно уложенные волосы в привычную шишку.

– Как я буду это делать, Тема? – непонимающе произношу. – Он... такой умный. Взрослый. У меня внутри всё холодеет от того, что он меня вычислит.

Не только от этого, конечно, думаю про себя. Вспомни-

наю светло-синие глаза и широкие плечи своего новоиспечённого руководителя. Но подобной информацией не делятся с собственным парнем.

– Эй, – Тёма по-хозяйски ведет костяшками по ноге. – Успокойся.

Устало зеваю и сбрасываю его руку.

– Отвези меня домой, пожалуйста, – пристегиваюсь ремнем безопасности.

– А в гости позовешь?! – грязно улыбается.

– Не-ет, Тема, пожалуйста. Виктор Андреевич оставил материалы, которые я должна была просмотреть еще вчера. Дракула чуть не спалил меня.

– Дракула?!

– Да. Он такой ужасный... У меня коленки тряслись.

– Ладно-ладно, – отвечает Тёма, выезжая из парковочного кармана. – Витя Андреич тебя в обиду не даст.

Довольно быстро добираемся до моего дома.

Это новый жилой комплекс с тремя двадцатипятиэтажками. Элитный район, шикарное озеленение, подземная парковка.

Сама я такую жилплощадь купила бы только к пятистотридцать пятому юбилею и то в ипотеку, естественно.

Квартира – подарок отчима.

Моя мама – его первая и единственная на всю жизнь любовь. Такая же, как у меня. Ещё в тринадцать лет, когда Виктор Андреевич нашел меня в стенах детского дома и предложил забрать, мы с Тёмой договорились, что будем любить

друг друга вечно.

Ночью, после отбоя кровью поклялись.

Потом не виделись шесть лет. После выпуска Тёма ушел в армию, а как только демобилизовался, приехал ко мне. Отчим взял его к себе, личным водителем и охранником. Ведь хорошему адвокату всегда нужен охранник. Если только у тебя самого нет таких бидонов на руках, как у Долинского.

Мысли снова скатываются к мужчине в белой рубашке и строгих брюках. Даже кофе пить не стал... А я, между прочим, на него четыреста двадцать рублей потратила. Своих.

Деньги у отчима давным-давно не беру. Стыдно как-то в двадцать четыре года побирущничать. Да и работа у меня есть. Правда, от нее придется отказаться на время.

– Ой-ой, какие мы нетерпеливые, – смеюсь, когда открываю дверь и попадаю в кольцо из своих любимых питомцев.

У меня их три.

Рыжая кошка Тася, миниатюрная дворняжка Арнольд и старая, уже больная овчарка Гертруда. Первым делом скидываю ненавистную шелковую рубашку с юбкой. Отыскиваю в ворохе из вещей топ с шортами. Мурлыкая песенку под нос, кормлю и иду выгуливать собак.

Моя жизнь меня полностью устраивала до тех пор, пока отчим не обратился со странной просьбой. Теперь я все время чувствую себя неудобно, потому что врать я не умею. И подводить близких тоже.

Мучительный диссонанс не дает жить спокойно.

До ночи штудирую содержимое красной папки. Неправду говорила учитель математики, нормальные у меня мозги. Программу юридического колледжа за вечер одолела.

Устанавливаю на телефон мобильные приложения с Конституцией и Кодексами Российской Федерации. Как ни крути, их мне даже за год не вызубрить.

В ванной комнате скидываю одежду и пристально изучаю свое тело в зеркале. Темно-русые волосы распускаю по плечам. Провожу кончиками пальцев по нежному кружеву на груди.

Красиво...

Любой мужик бы впечатлился. А этот даже носом не повёл.

Кожа в теплом свете лампочек, встроенных в потолок, сияет и переливается. У меня безупречная наследственность. Моя мамочка была красавицей... Жаль, что я почти её не помню.

Отбрасываю лифчик на тумбу и прикрываю упругие холмики ладонями. Разворачиваюсь, соблазнительно изогнув спину. Задница у меня тоже что надо. Идеальные окружности без единого намека на целлюлит.

Интересно, какие женщины нравятся Арсению Рудольфовичу, если на меня он внимания не обратил? Может, вообще любит блондинок или полненьких?!

В любом случае это не мое дело.

Устало вздыхаю, стягиваю стринги и прохожу в душ. Теп-

лая вода согревает и разгоняет кровь, рассеивает волнение в груди.

Спустя полчаса в тишине спальни пытаюсь не думать о том, что завтра мне снова нужно будет исполнять роль. Отыскиваю в соцсети страницу Долинского, фотографии скрыты, но можно просмотреть отметки...

Глава 3. Арина.

– Ариша, я на обед, – сообщает Лариса Леонидовна, секретарь Дракулы и по совместительству очень милая женщина. – Тебе принести что-нибудь?

– Нет, ничего не нужно, – вяло улыбаюсь и смачно чихаю.

– Будь здорова.

– Спасибо.

Я работаю здесь четвертый день.

Четвертый день я занимаюсь тем, что разбираю папки, стряхиваю пыль с документов и сортирую старые запросы в различные службы.

Арсений... Рудольфович со мной практически не общается, каждый раз проезжается недовольным взглядом по моим ногам и длине очередной юбки, а потом отворачивается и уходит в свой кабинет, который про себя называю Преисподней.

Особое наслаждение доставляет в этот момент, демонстрировать язык и строить гримасы широкой спине, запечатанной в очередную накрахмаленную белоснежную рубашку.

Долинский – абсолютно точно не человек. Он робот. Никогда не обедает. Не улыбается. Даже музыку в кабинете не слушает.

Пока отсутствует моя соседка, решаю сбросить ненависть

ные шпильки и включить небольшой радиоприемник, который я заметила в офисном шкафу.

Босиком прохожу к свободной розетке в другом конце приемной. Поймав любимую волну, двигаю бедрами и неторопливо задираю руки.

Спина от монотонной работы затекла, поэтому плавно выгибаюсь и, прикрывая глаза, отдаюсь приятной мелодии и танцу.

Боже. Как я скучаю по своей работе. Нормальной. Без формуляров и светло-синих ледяных глаз.

Ну почему? Почему я не умею отказывать людям?

Пока размышляю о насущном, музыка в радиоприемнике сменяется и становится ритмичной. Выписываю бедрами привычные восьмерки и рассматриваю картину на стене.

Кто додумался в офис повесить эту безвкусицу?

Спина холодеет, когда сзади слышится недовольное покашливание.

Черт.

Одергивая и без того короткую юбку, разворачиваюсь.

На пороге собственной персоной мой босс, а за ним симпатичный темноволосый мужчина, который иронично улыбается и начинает аплодировать.

– Bravo, – скандирует. – Добрый день.

– Добрый день, – отвечаю сипло и поспешно вырубая музыку.

В глаза Арсению не смотрю, потому что предчувствую его

гнев, который мурашками оседает на моей коже.

Босые пятки полыхают, когда подбегаю к столу и напяливаю замшевые туфельки на шпильке.

– Простите, пожалуйста, – опускаю голову.

– Да за что? – удивляется наш гость. – Я рад, что твои сотрудники не такие скучные, как ты, Арсений. И симпатичные.

– Руслан Тимурович, – зловеще выговаривает Долинский. – Не будем задерживаться.

Подняв глаза, вижу перед собой загорелую ладонь, которой Арсений провожает в кабинет своего гостя. Практически заходит за ним, но разворачивается.

На его лице такое бешенство, что хочется закрыться в туалете до конца дня.

– Где Лариса? – спрашивает тихо. Ноздри раздуваются от злости, скулы чуть побагровели.

– На обеде, – отвечаю, опуская голову. Делаю это не зря, потому что обнаруживаю, как блузка от интенсивных движений расстегнулась и цвет атласного белья для моего мучителя теперь не секрет.

– Приведите себя в порядок согласно должностной инструкции.

– Простите, – повторяю.

– Стриптиз-клуб за углом.

Мои щеки вспыхивают огнем. Он что думает я стриптизерша?!

– И сделайте нам кофе, раз Лариса покинула рабочее место.

– Арс.... – пытаюсь хоть слово сказать.

Светло-синие глаза снова сверкают.

– Арсений Рудольфович, вы не сказали, какой кофе предпочитаете?

– Американо двойной без молока и сахара, – раздраженно бросает и прикрывает дверь.

Фух. Валюсь на стул.

Почему я все время попадаю в дурацкие ситуации?! Так было всегда. Начиная с детского дома... Все мои шалости – достояние общестственности.

Вспомнив о кофе, подхватываюсь и бегу к автомату.

Попутно стараюсь привести себя в порядок. Укладываю волосы на одно плечо, застегиваю пуговицы и, взяв поднос, направляюсь к Преисподней.

– Можно? – спрашиваю негромко.

– Войдите, Арина, – слышу суровый голос.

Прохожу в кабинет и стараюсь не волноваться, когда выставляю чашки с кофе. Руки дрожат.

– Не совсем понимаю, что от меня требуется, Руслан? Ты хочешь изъять у нее ребенка?

– Об этом речи не идет, – произносит гость и вежливо обращается ко мне. – Спасибо, Арина.

Одариваю его лучшей улыбкой и обхожу широкий стол.

В ушах звенит, когда вторгаюсь в личное пространство

блондина. В нос проникает аромат морской воды. Вдобавок ко всему его пальцы задевают мою руку, которую тут же отдергиваю, будто притронулась к раскаленной плите.

– Спасибо, – тихо выговаривает Арсений Рудольфович. – Можете идти.

Нервно киваю и круто разворачиваюсь на шпильках. Вылетаю за дверь. Тут же прислоняюсь к ней, вытирая влажный лоб.

Возвращаюсь к своим бумажкам и продолжаю работу. Кому вообще это может нравиться?! Какая дура добровольно будет заниматься самоуничтожением?!

Спустя полчаса слышу приближающиеся голоса.

– Я позвоню матери ребенка, как твой доверитель, и сообщу о наших намерениях. Дальше будем смотреть по ситуации.

– Хорошо, – соглашается брюнет. – Только не перегибай. – С этим проблем не возникнет.

Мужчины обмениваются рукопожатиями и, сухо кивнув мне на прощание, посетитель оставляет нас наедине.

Глазею на закрывающуюся дверь. Просто, чтобы продлить спокойствие внутри.

– Там без вариантов, – холодно цедит Арсений. – Можешь не улыбаться.

– Да как вы... – с возмущением смотрю на своего руководителя, который, закинув руки в карманы узких брюк, возвращается к кабинету.

Хочется рывкнуть, что у меня, вообще-то, есть парень, но решаю оставить эту информацию при себе. Мало ли начнет выяснять и разведает, что мой Тема – личный водитель основного конкурента Долинского.

Поэтому просто, как обычно, показываю широкой спине язык и отчаянно строю гримасы.

Долинский вдруг останавливается, медленно разворачивается и вздыхает так, будто "этот мир ему абсолютно понятен, и он просто просит покоя".

– Арина...

– Что? – откликаюсь раздраженно.

Со злостью выправляю юбку и уставляюсь на его самодовольное лицо.

– Тут практически зеркало, – с легкой улыбкой стучит костяшками по стеклянной перегородке Арсений. – Я все вижу.

Победно смотрит на мой открытый рот и скрывается в своем кабинете.

Глава 4. Арина.

– Привет, голуба моя, – быстро произносит в трубку отчим. – На работу собираешься?

– Да, дядь Вить. Здрасьте, – отвечаю, замирая на кухне.

– Ну, как у тебя дела продвигаются?

– Пока также, – досадно тру узор на кружке с кофе.

– Плохо, девочка. Скоро придёт Шацкая. Супруга моего доверителя. Мне надо, чтобы ты была в курсе телодвижений Сени.

Раздраженно закатываю глаза, но в трубку спокойно произношу:

– Дядь Вить, ну, усадил он меня за бумажки. Сижу целыми днями, дырокол гоняю. Как я узнаю про эту Шавскую?

– Шацкую, – зло поправляет отчим. – Придумай что-нибудь. Ты же артистка. Талией покрути. Спой ему песенку, чтобы он, как кобра под твою дудочку плясал, – грязно смеется.

– Вы что предлагаете мне его соблазнить? – повышаю голос.

– Успокойся, Аринка, – тут же осаживает. – Я просто сказал быть к нему повнимательнее. Тем более, он мужик видный. Не чета твоему водиле.

– Всё, ладно. Я на работу опаздываю. Как здоровье-то? – спрашиваю обеспокоенно, вспомнив, что на днях дядя Витя

должен был съездить в клинику.

– Плохо моя девочка, – вздыхает трудно. – Лечиться будем пробовать, но врачи ничего не обещают.

Ахаю, чувствуя, как в груди становится тесно.

Мама, теперь отчим?

– Ты давай не опаздывай. И придумай, как быть к Доле ближе.

– Ладно, – киваю. – Не болейте, пожалуйста. Я очень переживаю.

Убираю телефон и бегу искать что-то приличное для сегодняшнего дня.

Радуюсь, как ребенок, когда выуживаю из недр огромного шкафа синее платье на тонких бретельках. И оно не короткое. Длина миди. Наконец-то мистер Зануда не посмотрит на мои ноги косо.

Натягиваю облегающую ткань и разглаживаю невидимые складки, глядя в зеркало.

Очень даже ничего.

Укладываю волосы хаотичными волнами и наношу макияж, чтобы быть поярче.

Перед выходом глаза скашиваются в сторону привычных кед, но я берусь за ненавистные шпильки. Без каблуков рядом с Долинским я буду как маленькая собачонка. Он очень высокий мужчина.

На работу приезжаю даже раньше обычного. Первым делом открываю окно, чтобы проветрить приемную. Наполняю

конфетами вазочку для посетителей и укладываю заранее приготовленные журналы.

А потом, следуя порыву снимаю ненавистную картину со стены. Какая-то дурацкая абстракция, яркая размазня, только вид портит.

Усаживаюсь за свой рабочий стол и включаю компьютер.

– Доброе утро, Арина, – слышу низкий тягучий голос над головой.

– Здравствуйте, – отвечаю, глаза в экран монитора.

Проходит где-то полминуты, прежде чем я слышу вопрос:

– Это что?

Поднимаю глаза. Арсений, кивком указывает на столик в зоне для клиентов.

– Конфеты, – пожимаю плечами и тут же чувствую, как ключицу колет светло-синий мороз. – Хотите?!

– Нет, спасибо, – поджигает губы.

Арсений как-то по-новому разглядывает кабинет. Замечает кактус, который я притащила из дома. Фарфоровую фигурку собачки на моем столе. Последним делом осматривает стену.

– А картина где? – спрашивает, переминаясь с ноги на ногу.

Иногда мне кажется, что на Дракулу работает целый рубашечный завод. Потому что его рубашки всегда белые и неизменно выглядят как новые.

– Я её сняла, вновь веду плечами и опять подвергаюсь об-

стрелу светло-синих ледяных снарядов.

– Очень интересно, зачем? – спрашивает так, будто ему и вправду любопытно. Проходит к диванчику и вальяжно усаживается, складывая руки на широкой груди.

Выглядит как Боженька, конечно. Что уж.

– Это не картина. Безвкусица какая-то, – проговариваю, засекая, как в его глазах вспыхивает дьявольский огонек.

– Повесь на место, – говорит Арсений так, будто ему стало скучно. – Она стоит десять тысяч долларов и оценить ее может только истинный эстет.

– Десять тысяч долларов? – округляю глаза. – Вот за это?

Рассматриваю картину, которую так по-плебейски определила на пол между шкафом и стеной. Это же можно целый приют для бездомных собак выстроить.

– Надеюсь, это подарок? – произношу, снова вонзаясь взглядом в холеное гладковыбритое лицо. – Ну, или вы были нетрезвы, когда ее покупали.

Потому что человек в здравом уме не приобретёт такую фигню.

Слышу хриплый смех, который тут же отдается в районе груди.

– Повесьте картину, Арина. Это презент.

– Ладно, – тяжело вздыхаю и встаю с места.

Легко подхватываю этот красочный «бриллиант». Прохожу к стене и пытаюсь водрузить рамку обратно на стену.

Получается не с первого раза. Но получается.

Резко разворачиваюсь и застаю Арсения Рудольфовича с поличным. Рассматривал мою задницу.

Лицо заливается румянцем. Не знаю куда деть руки, поэтому складываю их на груди, тут же привлекая внимание к этой части тела.

– Я смотрю, сегодня ткани побольше подвезли, – кивает на ноги, обтянутые тонкой материей.

Непроизвольно усмехаюсь.

– А на плечи не хватило? – спрашивает немного хрипло.

Молча опускаю голову. Невозможный человек. Ему все не нравится.

– Красивое платье, Арина, – говорит Арсений, поднимаясь с дивана. – Но для офиса подберите что-то более нейтральное. Нас посещают доверители, многие из которых женаты и они могут неправильно расценить то, что вы транслируете миру.

– Хорошо, – послушно киваю.

А потом, замечая, как босс уходит к двери своего кабинета, осознаю. Вот он мой шанс.

– Арсений Рудольфович!

– Что-то еще?

– Когда я начну работать по-настоящему?

– В смысле? – хмурит брови.

– Я устала перекладывать бумажки. Это бесполезный труд. А мне хочется быть вам полезной.

– Пфф... – выдает, разглядывая мой рабочий стол. – По-

чему тогда не пришли устраиваться стажером? Вы не собираетесь получать высшее юридическое образование?

– Еще не решила, – закусываю нижнюю губу, проклиная про себя свой язык.

Чувствую, как по моему телу словно внешний ручеек распространяется вибрация от очередного изучающего взгляда.

Да что со мной такое?! Я могу с Темой целую ночь спать обнажённая, и ни одна мышца на теле не вздрогнет.

– Хорошо, Арина. После обеда у меня встреча с клиентом. Поедете со мной, – сообщает Арсений Рудольфович и медленно закатывает глаза, когда я смачно шиплю "Йес" и хлопаю в ладоши.

– Спасибо. Спасибо вам, Арсений Рудольфович. Вы точно не пожалеете, – потираю ладоши.

– Боюсь это не так, – замечает Дракула невесело, закрывая дверь кабинета.

Глава 5. Арина.

– Во время разговора не отсвечивай, – дает мне указание босс. – Если вычудишь что-нибудь, это будет твоя последняя встреча с доверителями.

Поправляет золотые часы на руке.

Невольно люблюсь его запястьями. Всё-таки мужские ладони и руль автомобиля – это отдельный вид искусства, но ловлю себя на противной мысли вновь – Тёмины руки я не разглядывала ни разу.

Может, потому что я каждый шрамик на них знаю?

– Не переживайте так, Арсений Рудольфович. Я буду тише воды, ниже травы. Как мышка в уголочке посижу, с блокнотиком.

Светло-синие омуты недовольно проезжаются по моему телу, обтянутому синим атласом. Особое внимание уделяют тончайшей лямке на плече и медленно возвращаются к лобовому стеклу.

– Мышка, – усмехается. – Господи, откуда ты взялась на мою голову, Плевако?

А вот этого вам лучше не знать Арсений Рудольфович!

– Как, кстати, ты разведала, что мне помощник требуется? – подозрительно сужает глаза, а у меня в голове мыслительный процесс запускается.

– Так... я обзвонила все адвокатские конторы в городе. И

вот в вашей было местечко, – отвечаю. Потом, решив кое-что узнать для себя, добавляю. – И еще в одной было место, но я выбрала вас, конечно.

– В какой? – спрашивает, почесывая ямочку на подбородке.

– Так... в «Луневи́ч и партнеры», – называю фирму отчима.

– Пфф... Хорошо, что выбрала нас, Арина.

– Почему? – настораживаюсь.

Арсений снова мажет взглядом по моему плечу, а потом отвечает:

– Не люблю нечестных игроков.

– Ну, насколько я знаю они основные ваши конкуренты и достаточно сильны, – замечаю, как бы между прочим.

Босс как-то странно качает головой:

– Неважно на чьей стороне сила, Арина. Важно на чьей стороне право. Запомни, если хочешь развиваться в направлении юриспруденции.

– Хорошо, – киваю и мямлю, – благодарю!

Что это значит? Виктор Андреевич нечист на руку?! Как такое возможно? Отчим для меня пример для подражания, уже давным-давно.

Не верю, что он может быть плохим человеком.

На встрече в офисе клиента действительно стараюсь не привлекать внимание, хотя похотливый взгляд одного из представителей напрягает. И не только меня судя по тому,

как тот и дело сжимаются зубы у Арсения Рудольфовича.

— У вас очень симпатичная помощница, господин адвокат, — в перерыве отпускает комплимент мерзкий гад.

Уверена, что мои щеки краснеют, как после лютого январского мороза. Внутренне сжимаюсь от взглядов сразу нескольких взрослых мужчин.

Хочется прикрыться, если честно.

— Спасибо, — недовольно озирается на меня Долинский. — Но давайте все же вернемся к сфере наших с вами интересов. Когда вы планируете оформить доверенность у нотариуса?

Мужчины продолжают общаться, а я снова выдыхаю. Судорожно хватаюсь за бутылку минеральной воды, любезно предложенную секретарем в самом начале переговоров.

Сегодня же поеду в торговый центр и найду отдел одежды для офисных клуш. Куплю себе глухую рубашку и юбку ниже колена.

Когда наконец-то выбираемся на улицу, наконец-то расслабляюсь.

— Какие они ужасные, — шепчу, прижимая к себе сумочку.

Арсений Рудольфович расстегивает пиджак, устало вздыхает и указывает рукой на узкую дорожку. Галантно пропускает меня вперед. Поясницу покалывает, когда иду, стараясь не грохнуться на шпильках.

— Это не они ужасные, Арина. Это ты неуместно одета. О чем я тебе ранее и информировал. Юрист, даже если он всего лишь помощник, не может позволить себе такие наряды.

Хотя бы потому, что судьи чаще всего тоже женщины. А ты можешь действовать на нервы своей молодостью и красотой.

В груди разливается приятное тепло. Просто оттого, что он считает меня красивой.

– А вам внешность, получается, помогает? – спрашиваю с легкой улыбкой и разворачиваюсь.

Загорелое мужское лицо хмурится.

– Почему это? – недоуменно выговаривает.

Закатываю глаза и иду дальше. Боже. Он еще и скромняга.

– Да так, – пожимаю плечами. – Просто подумала.

– А вот это полезный навык, Арина. Осваивай, – говорит издевательски, обгоняя меня, когда мы подходим к стоянке.

С раздражением захлопываю дверь Мерседеса, такого же белоснежного, как шевелюра его владельца.

Арсений располагается рядом и тут же аккуратно убирает кожаную папку на заднее сидение. Поправляет зеркало, ставит телефон на специальную подставку и извлекает из упаковки влажную салфетку, чтобы протереть руки.

Предлагают пачку мне, я отрицательно качаю головой.

– Чистота – залог здоровья, – учительским тоном цитирует поговорку.

Отворачиваюсь к окну. Его хватит удар, если он однажды побывает у меня дома. Эта мысль меня веселит, поэтому еле сдерживаю смех.

– Что смешного? – бросает на меня предостерегающий взгляд.

– Ничего, – мотаю головой, и чтобы сменить тему продолжаю, – какие-то неприятные были клиенты. Они действительно хотят отобрать у своего партнера долю в бизнесе?

– Всё в рамках закона.

– Ну нет, неужели закон на стороне таких людей?

– Ты странно рассуждаешь для специалиста, получившего диплом юриста, пусть и колледжа, – хмурится Арсений. – Каждый человек имеет право на защиту, Плевако. Довольно комично с твоей фамилией это объяснять.

Ретируюсь и снова отворачиваюсь к окну. Вечно меня кто-то за язык тянет.

– «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Это цитата из Конституции Российской Федерации, – продолжает Мистер Зануда. – Кстати, напомни какая именно?

– Аа-а? – делаю вид, что прослушала.

Его взгляд становится излишне основательным. Тяжелым.

– Статья, Арина. Конституция. Какая это статья? – повторяет, словно экзаменатор. – Я жду.

Округляю глаза и сжимаю пальчики в тесных шпильках. Допрыгалась. Страх сковывает разум. Это именно то состояние, когда я обычно вытворяю что-нибудь ужасное.

Переключаю взгляд на строгое мужское лицо, которое впервые до такой степени близко. Скулы сведены, крылья носа раздуваются от тяжелого дыхания, матовые губы крепко сжаты.

Идея приходит молниеносно.

Перегибаюсь через подлокотник и сначала легонько, словно пробуя мороженое, касаюсь бледных губ, а потом целую, прикрывая глаза.

Глава 6. Арина.

– Арина, я тебя умоляю! Что хочешь, проси! Выйди, пожалуйста, сегодня на Новгородцева, – тянет в трубку мой руководитель. – Суббота. У нас все столики забронированы.

И это не Дракула, губы которого я облизала два дня назад. Это мой настоящий босс.

Надежда Георгиевна, воспитатель в детском доме, обнаружила главный талант Арины Плевако (помимо того, чтобы обманывать синеглазых блондинов, само собой) – я прекрасно пою. Виктор Андреевич говорит, что у мамы тоже был идеальный слух, а ее мелодичный голос я сама прекрасно помню.

В общем, с семи лет я занимаюсь тем, что выступаю на различных мероприятиях. А с недавнего времени работаю в известной в нашем городе сети караоке-баров.

Для того чтобы помочь дяде Вите, мне пришлось уйти в бессрочный отпуск.

– Стёпа, – хнычу сонно. – Ну я не могу, понимаешь?!

– Проси, что хочешь! Умоляю, звезда моя! Выручи, – продолжает уговаривать. – Двойная ставка.

– Нет!

– Тройная.

Черт.

Тройная ставка.

Это ж столько денег.

– Ладно, – рычу в трубку. – С тебя парик!

– Хоть десять! – радуется Стёпа и прощается.

Замаскируюсь. Может, и гладко все пройдет.

Долинский – сегодня есть, а завтра его нет. Вернусь к обычной жизни, все забудется, как страшный сон.

Прикрываю глаза и вспоминаю его губы. Они только на вид такие жесткие... А его язык. Такой нежный, бархатный и... вкусный. Очень вкусный.

И Зануда ответил на мой поцелуй. Да, буквально пару секунд, но соответствующая реакция была.

А потом Арсений был в таком гневе, что вышвырнул меня из Мерседеса. Мне пришлось добираться до офиса на такси. За триста пятьдесят рублей!

А это была рабочая поездка, между прочим.

На своём месте сидела, не шевелясь весь оставшийся день. Губы пылали и ныли. То и дело хотелось их облизнуть, чтобы почувствовать неповторимый вкус еще раз. А когда Арсений Рудольфович вышел из кабинета, даже не посмотрел в мою сторону.

Его тело излучало опасность, он был все еще в бешенстве.

А я почему-то с трудом сдерживала смех.

Ну не украла ведь я у него первый поцелуй?! Правда?

Зато он быстро забыл про глупости со статьей. Так я полагала ровно до следующего дня.

Утром в пятницу на мою рабочую электронную почту

пришло письмо с пометкой «Важно». В нем серьезный начальник извещал о том, что в понедельник он проведет повторное собеседование, в котором особое внимание уделит вопросам, касающимся базовым знаниям Конституции Российской Федерации.

И теперь все выходные я буду вынуждена зубрить главный закон нашей страны.

Поэтому Стёпино нытьё в трубку спутало все карты. Сегодняшнюю ночь мне придется трудиться, а в воскресенье я буду не в силах запомнить даже элементарную детскую скороговорку.

И что делать?!

Придется вновь экспериментировать.

Субботним днем все же пытаюсь вникнуть в то, что должен знать любой гражданин, а по факту многие даже не открывали. Кайфовать с этого всего может только сухарь, вроде Долинского, который, кстати, вчера, кроме своего письма, ни словом не обмолвился и сделал вид, что меня нет.

Больно надо!

Ходил, сверкал золотыми часами на загорелом запястье и белоснежной накрахмаленной рубашкой. В своем сухопарном стиле общался по телефону с какой-то Катей. Догадываюсь, что это та блондинка, которая отметила его на фотографиях в горах.

На снимках Арсений Рудольфович в полном обмундировании и со сноубордом в руках. Вернее, в одной руке объем-

ная доска, а в другой та самая улыбающаяся блондинка.

Тёма с Виктором Андреевичем на все выходные укатили в командировку. И я предоставлена самой себе. Кормлю и выгуливаю собак, вычесываю шерстку Тасе. Затем пытаюсь привести в порядок свою квартиру.

А вечером натянув белый топ и короткие блестящие шорты, можно сказать, рабочую униформу, выдвигаюсь в караоке-бар на улице Новгородцева.

В комнатке, отведенной для персонала, выбираю симпатичный парик.

– Блондинок любите, Арсений Рудольфович? – тихо шепчу. – Ну, окей.

За несколько секунд становлюсь похожей на куклу Барби. Подкрашиваю карандашом глаза. По губам веду вишневой помадой. Взбиваю белокурые локоны пальцами.

Любимые кеды меняю на ненавистные шпильки.

Действительно, как и говорил Степа, все столики заняты. Полный аншлаг. В этом заведении у нас несколько залов. Отдельно небольшой бар с приглушенным светом и музыкой, и караоке-зал с внушительной сценой и танцполом.

Вечер протекает как обычно. Гости выбирают композиции и стремятся удивить друг друга голосом и талантом. Я периодически выхожу с парой популярных хитов.

После очередного такого десятиминутного выступления решаю смотаться в туалет. Шагаю через зал, в котором располагается бар. Сложив руки на груди и глядя в одну точку,

огибаю столы с посетителями.

Уже практически на выходе, моё плечо обжигает чья-то теплая ладонь.

– Это что за нахер? – слышу взбешенный голос. – Ты что? Подрабатываешь по ночам?

Не оборачиваясь, тут же узнаю в своём захватчике Арсения и с силой выдирая руку, лечу сломя голову в сторону уборных.

Забегаю в одну из них за девушкой в свадебной фате и стремительно захлапываю дверь.

– Привет, – здороваюсь, пытаюсь восстановить дыхание.

Девушка ошарашенно на меня пялится, разглядывает мой фривольный наряд.

– Привет, – отвечает вежливо, но отстраненно.

– Арина, – представляюсь и несусь к зеркалу, чтобы поправить сбившийся парик.

– Элина, – отзывается брюнетка. Подходит ближе, достает помаду из сумочки.

Она красивая, только немножко грустная. Разве бывают такие невесты?!

– Слушай, – говорю подумав. – У меня к тебе просьба. Там возле двери мой начальник. Грозный и страшный. Он не должен меня увидеть. Когда выйдешь, скажи, пожалуйста, что здесь нет никого.

– Хорошо, – Элина равнодушно ведет плечом.

– Спасибо тебе, – хватаю её за руку и подмигиваю.

Вжимаюсь в холодную стену, когда Элина выходит за дверь. Делаю это совершенно зря. Арсений Рудольфович слишком воспитан, чтобы ломиться в женский туалет.

Подслушиваю их разговор в коридоре, пытаюсь унять сердечко, которое вот-вот выпрыгнет от страха.

А потом счастливо хлопаю в ладоши, когда Мистер Зануда прощается с друзьями и сообщает, что едет домой.

Глава 7. Арина.

Дорабатываю смену постоянно опасаясь, что из-за колонны выскочит Долинский.

Быстро выведет меня на чистую воду, тем самым разрушит прекрасные отношения с отчимом.

Наверное, когда у тебя много близких людей ты можешь себе позволить кого-то разочаровать. Ведь все равно останется тот, кто тебя любит и примет любой.

А если во всем целом мире у тебя только пара человек, которых ты ни в коем случае не можешь подвести? Они на тебя надеются. В тебя верят.

В воскресенье через силу зубрю Конституцию и проклинаю всё на свете.

Во-первых, естественно, Арсения Рудольфовича. За его дотошность и проницательность. Он действительно первоклассный адвокат, потому что всегда чувствует, какой именно вопрос задать следующим. Вот как синеглазый понял, что я законы ни в зуб ногой?!

Во-вторых, своё умение оказываться в дурацких ситуациях. В конце концов, можно было просто в обморок брякнуться. А я зачем-то его поцеловала... Да еще и по-взрослому. Поражаюсь, как только смелости хватило.

Сейчас сама не своя. То и дело вспоминаю его губы.

Как с ним разговаривать? Как смотреть ему в глаза и не думать об этом поцелуе?

Тем более, не понимаю.

Ну и совсем чуть-чуть упрекаю себя в том, что не умею отказывать близким людям. Если бы только смогла сказать «нет» на просьбу отчима.

Сейчас не было бы этого ничего. Вообще ни-че-го!

Сердце странно вибрирует, когда думаю о том, что могла никогда в жизни не увидеть белоснежные выглаженные рубашки в таком количестве.

– И зачем мне это всё? – спрашиваю Гертруду, которая грустно смотрит, держа в зубах поводок. – Привязался со своими статьями. Зануда местная.

Выхватываю рулетку у овчарки и иду в коридор натягивать кеды.

После прогулки принимаю душ, рановато, но переодевшись в пижамку, ложусь спать.

Назло Дракуле и его зверским методам воспитания сотрудников.

Наутро чувствую себя разбитой. Где-то под грудью острой иглой колется мысль, что я совершенно ничего не знаю. Память, как пробка вылетела из бутылки и даже ручкой не помахала.

Новенькая рубашка с юбкой на вешалке радуют глаз. Проверяю ткань на луч солнца, проникающий в окно, совершенно не просвечивает. Значит, можно себе позволить не нацеп-

лять ненавистный лифчик.

Грудь у меня небольшая, уверенная двойка. Зато своя, весьма приятной формы.

Память не очень, а вот с грудью повезло. Спасибо тебе, Боженька!

Приближаясь к офису, кое-как передвигаю ногами, потому что юбка оказалась слишком узкой. Откидываю отутюженные блестящие волосы за спину и налегаю на кнопку лифта. Его идеальная зеркальная поверхность говорит мне о том, что выгляжу я не совсем как офисная клуша.

Рубашка безупречно выглажена. На лице макияж, придающий коже еле заметное сияние, стираю излишек хайлайтера на правой скуле, когда ощущаю легкий аромат соленой морской воды.

Черт.

– Доброе утро, Арина, – тихий голос за спиной прерывает тишину.

Вздрагиваю не то от него, не то от того, как дзинькает лифт, когда разъезжаются двери.

На дрожащих ногах прохожу внутрь, медленно разворачиваюсь.

– Доброе, – отвечаю, облизнув вмиг засохшие от страха губы.

Арсений Рудольфович устраивается справа. Рукав его пиджака в критической близости от моего запястья.

Крепче сжимаю кожаную сумку пальцами, отсчитывая

этажи на электронном табло.

– Сегодня не накинетесь? – спрашивает иронично, расстегивая пуговицу на пиджаке.

Резко поворачиваю голову, пытаюсь натянуть безразличную улыбку.

– То была разовая акция. Ваши губы... – мажу взглядом по широкому подбородку. – Кое-кого мне напомнили.

Победно смотрю в омуты морского цвета, в которых зарождается ледяной шторм. Лицо Долинского перекашивается.

– Напомнили? – произносит и немного хмурится.

– Да-да, – слегка склоняю голову. – Простите, Арсений Рудольфович, такого больше не повторится.

Как бы мне ни хотелось... Додумываю и луплю себя по щекам мысленно.

– Не повторится? – морщится.

– Да, – отвечаю, выбираясь из лифта первой.

– То есть мне не нужно волноваться, когда оказываюсь с вами в закрытых пространствах?

Бросаю раздраженный взгляд за спину. Все мое самообладание рассыпается как песок сквозь пальцы.

– Конечно, не нужно, – отвечаю равнодушно. – К тому же... – снова чуть поворачиваю голову и прикусываю нижнюю губу, после чего роскошно улыбаюсь. – Мне совсем не понравилось.

Пожимаю плечами, чувствуя за спиной нарастающее на-

пряжение.

– Поэтому простите, Арсений Рудольфович. Теперь ваши губы в полнейшей безопасности.

Стараясь меньше вилять бедрами в узкой юбке, продвигаюсь к рабочему месту.

– В следующий раз, – говорит Долинский, обгоняя меня на повороте. – Когда вам кого-то напомнят другие мои части тела, держите себя в руках.

Уныло разглядываю идеально выстриженный затылок и привычным движением демонстрирую свой язык широким плечам.

Надоеда.

Босс вдруг круто останавливается, и я практически врезаюсь в твердое тело. Недоуменно высовываюсь из-за плеча, виновато рассматривая свое отражение в перегородке.

Перемещаю взгляд на мужское лицо, которое выражает только единственную мысль. Мол, ты опять за своё?

Чертыхаюсь под нос.

Что за офис? Одни зеркала и стекла. Никакого личного пространства.

– Приберегите ваш язык для собеседования, – мрачно выговаривает Арсений Рудольфович. – Кстати, в десять жду вас у себя.

Глава 8. Арина.

– Можно, Арсений Рудольфович? – спрашиваю еле слышно.

– Входи, – долетает низкий голос.

Крепко зажав в руке телефон, неуверенно вваливаюсь в кабинет и прикрываю тяжелую дверь. Озираюсь по сторонам, отмечая аккуратность и чистоту в обстановке. Широкий стол тоже за время моей работы разгрузился, документов на нём стало в разы меньше. Это откликается приятным удовлетворением от проделанного труда.

– Садись, – не сводя с меня тяжелого взгляда, кивает в сторону кресла.

Располагаюсь напротив, и поправляю юбку. Краем глаза улавливаю чашку недопитого кофе и вскрытые блистеры с таблетками на столе.

– Приступим? – говорит босс, опираясь локтями на поверхность стола. Его лицо морщится, словно от головной боли. – У нас не так много времени.

– Арсений Рудольфович. Можно, кое-что скажу? – интересуюсь севшим голосом.

– Говори, – хмурится.

– К сожалению, боюсь что не отвечу ни на один ваш вопрос, – понуро опускаю голову.

Он молчит. По-моему, просто в шоке от такой чистосер-

дечности.

– Тогда мы слишком поспешили с твоим приемом на работу. Деньги за потраченное время получишь на карту. Не будем друг друга задерживать, Плевако.

– Но... почему?! Я же стараюсь быть полезной. Привела в порядок картотеку, разобрала все запросы за полгода. Разве оттого, что у меня никудышная память, я не могу быть превосходным сотрудником? – спрашиваю горько, на глазах невольно выступают слезы.

Я правда этого не понимаю.

Почему мужчины устанавливают дурацкие правила и ограничения там, где их можно избежать?!

– Арина... – предостерегающе произносит Долинский. – Я приведу тебе простой пример. Ты можешь явиться во врачебный кабинет и сколько угодно заниматься канцелярией, но врачом ты от этого не станешь.

– Я... – коротко смотрю в сторону и возвращаю взгляд на строгое лицо. Неужели так все закончится? – ... у меня это с детства. Не могу ничего запоминать.

Чувствую на себя изучающий взгляд.

– В конце концов, зачем обязательно учить это наизусть? – коротко пожимаю плечами. – Есть ведь интернет. Всегда под рукой.

Хватаюсь за телефон на столе и демонстрирую вспыхнувший экран.

– Арина, – цокает Дракула и отрицательно покачивает го-

ловой. – В этом и заключается главная проблема современности. И я так предполагаю, что твоя в том числе.

– Какая проблема? – зацепляюсь за абстрактную тему.

Арсений Рудольфович откидывается на спинку стула и прикрывает глаза, словно очень утомился от моей глупости.

– Ну, смотри. Каких-то сорок-пятьдесят лет назад люди для того, чтобы располагать специфической информацией читали книги, труды ученых, штудировали научные статьи в библиотеках. Для того чтобы подготовиться к экзамену студенты усваивали материал. Ну, ладно, – вскидывает загорелую ладонь. – Максимум строчили шпаргалки. Только в этот момент память тоже работала и что-то в голове да откладывалось. Понимаешь?

– Да, – соглашаюсь вяло. Потираю горящую щеку.

– А в наше время? Каждый тешит себя надеждой, что он специалист и мудрец, просто базируясь на том, что может в любой момент открыть Википедию. Человек чересчур много времени проводит в интернете. Формируется призрачная иллюзия: всё, что имеется во всемирной сети – это и есть познания самого индивидуума. Отсюда прорва шарлатанов и умников. В голове у них ноль. Отними телефон – поговорить не о чем.

– Никогда не считала себя умной, – удручающе вздыхаю.

– А что ты сделала, чтобы начать так думать?! Я просмотрел твой диплом. Там неплохие отметки. Как ты справлялась, если не знаешь элементарного?

Фыркаю про себя. Никак я не справлялась. Отошла в мир иной бы со скуки в первый же день учебы. Внезапно начинаю злиться и нервничать.

На Долинского, потому что прицепился со своими распросами.

На себя за то, что вообще очутилась в подобной ситуации.

– Ну и совершенно тупой тоже себя не считаю, – с вызовом смотрю в холодные как море глаза, в которых тут же вспыхивает ирония.

– Я тоже так не считаю, – произносит он, словно успокаивает пятилетнего ребёнка. – Но может поменьше дефилировать по барам?!

Мое лицо заливается румянцем. Всё-таки узнал меня в субботу, зануда!

– Кстати, почему ты была в парике? – сужает подозрительно глаза. – Есть от кого прятаться?!

Незаметно сжимаю кулаки и не могу затормозить прорывающиеся эмоции.

– Да, Господи. У нас была тематическая вечеринка. Что криминального в парике?!

– Ничего, – пожимает Арсений плечами. – А почему тогда сбежала?!

Черт бы побрал этих рассудительных адвокатов с причинно-следственными связями!

– Думала, вдруг приставать начнёте, – раздражительно ухмыляюсь.

Широкие плечи содрогаются от хохота, будто я сказал что-то сверхсумасшедшее.

– Забавно, Арина, – выговаривает сквозь смех.

Фыркаю и сама еле сдерживаю легкую улыбку. Мне нравится то, как теплеют сери-синие глаза, когда он смеется. А еще как меняется его лицо.

– Арсений Рудольфович, – укладываю руки в умоляющем жесте. – Не увольняйте меня, пожалуйста. Я всему научусь, вот увидите.

– Арина, – тянет он неторопливо. – У меня нет времени тебя натаскивать. Мне нужен готовый специалист.

– Ну ведь его пока нет?! – восклицаю. – А я уже здесь. Я всё сделаю, чтобы вам понравилось.

Прикусываю язык от двусмысленности фразы.

– Это я уже тоже понял, – на секунду замуривает глаза и резко поднимается с места. – Ладно. Оставайся до первого предупреждения.

Тяжело выталкиваю воздух из легких и прикладываю руку к груди. Радуюсь ровно до того момента, пока не слышу:

– Поступлю с тобой, как наш преподаватель по Конституционному Праву. Приготовишь конспект от руки.

– В смысле конспект? – с ужасом округляю глаза.

– Перепишешь Конституцию, – говорит так легко, будто это как в соседний магазин за козинаками сбегать. – Может что-то в голове и останется.

Он что надо мной издевается? Вскидываю подбородок,

чтобы задать ему этот вопрос, но напарываюсь на категоричное выражение лица, которое заглушает мой порыв.

– Ладно, – подавленно отвечаю. – Я согласна.

– Хорошая девочка, – говорит он хрипло, а я чувствую, как в груди сладкий сироп от его слов расплёскивается.

Воздух в комнате снова становится густым, как утром в лифте.

Арсений Рудольфович резко разворачивается к окну и размещает руки в карманах. Жадно исследую весь его образ.

– Иди на свое рабочее место, Арина, – произносит черство.

– Хорошо, – вскакиваю со стула. Юбка приклеилась к ногам намертво.

Медленно иду к двери, цокая каблуками. Бьюсь об заклад, теперь он меня рассматривает, потому что поясница покрывается мурашками.

– Сегодня придет наш доверитель. Яна Альбертовна Соболева. В девичестве Шацкая. Нужно приготовить копии ее документов и заверить у нотариуса. Справишься, надеюсь?

Шацкая?! О ней предупреждал Виктор Андреевич.

Боже мой! Мне в действительности придется обманывать Долинского и транслировать информацию отчиму?! Встать по ту сторону баррикад от этого красивого мужчины?!

Как я справлюсь вот с этим?! Как?!

В голове мелькают цветные картинки. Ржавые ворота детского дома, которые я покинула в тринадцатилетнем воз-

расте. Красивый особняк отчима. Дорогая одежда, телефон последней модели и еще куча вещей, которыми он меня обеспечил.

А еще то, с какой необыкновенной теплотой Виктор Андреевич отзывается о мамочке.

– Я справлюсь, – твердо отвечаю самой себе, но на мой ответ Долинский тоже удовлетворительно кивает.

Глава 9. Арина.

Весь день стараюсь не думать об отчине и Тёме.

Когда я только пришла сюда... когда всё завязалось... казалось, наш план – это далёкая псевдореальность и до противоправных действий с моей стороны еще не скоро.

Но сейчас...

Сейчас мне страшно и стыдно. А еще сердце режет какое-то мерзкое чувство, что предательство, в моем случае – это точка невозврата.

Конечно, я не питаю надежду на что-то... не рассчитываю на его симпатию ко мне, как... к женщине.

Он взрослый.

Он умный. Что гораздо ужаснее.

Он носит запонки! Бог ты мой!

В моей жизни запонки носил только Мистер Дарси в любимом кинофильме. Может быть, это и сработало триггером?!

Благодаря этому я думаю о Долинском?! Из-за запонок?!

Тихо потешаюсь и пытаюсь привести нервы в порядок, когда в приемную заходит молодая женщина. А так как Лариса Леонидовна еще с утра отъехала по поручениям нашего босса, посетительница сразу сосредоточивает внимание на мне.

– Добрый день, – здоровается она и снимает темные очки в черной оправе с золотистыми значками Шанель на дужках. –

Я к Арсению... Рудольфовичу Долинскому.

– Здравствуйте, – приветливо улыбаюсь. – Меня зовут Арина, я помощница Арсения Рудольфовича. А вы...

Поднимаю брови, ожидая, когда гостя представится.

– Яна Альбертовна, – ее безупречных губ касается снисходительная улыбка.

– Соболева? – спрашиваю, просмотрев свои записи.

– Шацкая, – поправляет она, прекрасные черты лица ломаются от грусти.

Внешне она кажется подтянутой и безумно красивой.

Белый топ без рукавов и черные классические брюки, золотые украшения, обручальное кольцо на правой руке. Волосы уложены беспорядочными волнами, легкий макияж. При этом от неё не чувствуется надменности или какого-то превосходства.

Всё бы ничего, но я тоже умею быть проницательной.

Замечаю, что на ногах у Шацкой атласные туфли синего цвета, при этом в руках клатч, отделанный красным бархатом.

Странное сочетание для молодой женщины в дорогой брендовой одежде?! Будто бы собиралась впопыхах или вообще не думала о том, как выглядит.

– Вы будете кофе? – предлагаю и тут же обращаю внимание на дрожащие руки. – А лучше, – киваю приветливо, – давайте чай? Ромашковый.

– Чай так чай, – отзывается Яна Альбертовна безразлич-

но. Дезориентировано смотрит по сторонам. Мне кажется, если бы в данный момент я предложила ей мышьяк. Она бы ответила что-то в духе «мышьяк так мышьяк».

Разглядывая девушку, снимаю трубку, чтобы сообщить Дракуле о приходе доверительницы.

– Да, Арина, – раздается севший голос.

Заболел он, что ли?!

– Арсений Рудольфович, к вам Яна Альбертовна.

– Да, уже? Проводи, пожалуйста.

Отправляю телефонную трубку на место. Еще раз изучаю нашу посетительницу. Она нервно поправляет волосы и сжимает в руках клатч.

– Арсений Рудольфович ждет, – гостеприимно указываю на дверь кабинета. – Давайте я вас отведу к нему, а когда сделаю чай, угощу?

– Хорошо, – несколько раз кивает девушка.

Завариваю чай, который мне подарила воспитательница Надежда Георгиевна. Периодически я езжу к ней в гости и как правило уезжаю с полными сумками.

Подумав, ставлю на поднос две кружки и тарелку с печеньем.

Поправив рубашку и осторожно постучав, прохожу в кабинет. Дефилирую к столу, боясь позорно уронить поднос и обжечься.

– Я не знаю, что мне делать, Арс, – растерянно лепечет Яна Альбертовна. – Богдана словно подменили. Мы прожи-

ли десять лет. Десять! Никогда бы не подумала, что мой муж так ухватится за мысль о разводе. Может, у него кто-то появился? Не знаю.

В ее глазах блестящие слезы, поэтому я тянусь за салфетками и деликатно выставляю рядом с девушкой картонную упаковку.

– Яна... – задумчиво выговаривает Арсений Рудольфович. Задумчиво потирает подбородок. – Я буду честен. Мы с тобой давно знакомы. Процесс будет сложным, понадобится много сил и твоих внутренних ресурсов. Тебе нужно успокоиться, отключить эмоции. А еще лучше постараться договориться с Соболевым.

Бросаю на него непонимающий взгляд. Отключить эмоции? При разводе? Это как вообще?!

И как можно оставить такую приятную женщину? Променять ее на другую? У этого Соболева, что? Глаз совсем нет?!

– Ваш чай, – выдвигаю перед девушкой кружку и печенье.

– Спасибо, – кивает она и с отчаянием опускает голову. Затем снова обращается к Долинскому. – Прийти к соглашению не получится, муж со мной не разговаривает. А его адвокат, Луневич, кажется, уведомил, что Богдан хочет отнять у меня детей. Представляешь?!

Яна Альбертовна принимается тихо всхлипывать, а наши взгляды с Арсением Рудольфовичем сталкиваются. В его глазах что-то неопределённое, возможно, личное, не могу разобрать. А в моих... надеюсь, он не видит ужас от того, в

каком именно контексте я услышала фамилию отчима.

Первая отвожу глаза и отшатываюсь.

– Ваш чай, Арсений Рудольфович, – придвигаю к нему кружку, слабыми руками наливаю в нее ароматный напиток.

Его лицо оказывается на уровне моей груди, упакованной в хлопчатобумажную ткань. Так близко, что хочется отодвинуться или... наоборот быть ближе. Смешанное чувство, от которого испытываю дискомфорт.

– Чай? – скептически смотрит на мои действия Долинский.

Уверена, чай он в последний раз пил в детском саду на полдник.

Легко пожимаю плечами и снова смотрю на светлую макушку доверительницы. Хочется ее поддержать. Может даже крепко обнять, чтобы вселить уверенность.

– Яна Альбертовна, не переживайте так, – не обращая внимание на предостерегающий взгляд справа проговариваю. – Арсений Рудольфович... – чувствую легкое покалывание на щеке. – ... самый лучший адвокат и он непременно вам поможет. Ведь у него в практике практически нет дел, которые он бы не выиграл, – пылко завершаю свою речь.

Девушка вдруг вытирает слезы тыльной стороной ладони, и тепло улыбается:

– Арсений, какая милая малышка. Спасибо... извините, я совершенно не расслышала ваше имя.

– А-ри-на... – перебивает меня низкий взбешенный голос,

в котором я улавливаю холодную сталь. – Идите уже... на своё рабочее место.

Закатываю глаза от легкой грубости, к которой привыкла.

– Спасибо, Арина, – еще раз тепло обращается ко мне Яна Альбертовна. – И чай очень вкусный. Мне, правда, легче. Арсений, попробуй.

Не дожидаясь ответной реакции этого фантастического хама, гордо веду плечами и удаляюсь из кабинета. Иду, как можно быстрее, совершенно забывая об узкой юбке.

Следующий час занимаюсь тем, что выполняю его поручения, то и дело возвращаясь. Делаю копии документов, распечатываю проект договора, а позже записываюсь к нотариусу для заверения.

Когда Яна Альбертовна выходит из кабинета, она выглядит гораздо увереннее.

– До свидания, Арина, – говорит, складывая руки на груди. – Приятно было познакомиться.

– Всего вам хорошего, – с радушием прощаюсь.

Когда доверительница уходит, быстро собираю вещи и выключаю компьютер. Не хочу видеть Долинского, но у дверей, как назло, с ним сталкиваюсь. Пока иду по коридору нервничаю от предстоящей совместной поездки в лифте. Совершенно зря, как оказывается. Потому что он молчит и смотрит прямо перед собой.

– Арина, – говорит Долинский, когда мы выходим на улицу. Галантно поддерживает дверь. – Я хочу, чтобы вы запом-

нили раз и навсегда. Мы никогда не обещаем доверителю положительный исход.

– Но... – нахмуриваюсь и пытаюсь возразить.

– Никогда, – еще раз твердо повторяет Долинский. – Мы можем сделать всё возможное. Выстроить логическую цепочку из фактов, собрать необходимую информацию для линии защиты, но решает всё равно судья. Такие обещания могут быть чреваты испорченной репутацией.

– Я просто хотела поддержать её, – виновато кусаю губы.

Он недолго рассматривает моё лицо и качает головой. Отмечаю заметную бледность на усталом лице.

– Простите, – опускаю глаза.

– Ладно, – тяжело вздыхает и пробегается взглядом по моей юбке. – Тебя подвести?!

– Я..., – собираюсь отказать ему, но с ужасом наблюдаю, что на встречу к нам торопится Тёма.

Мы не виделись несколько дней, и я даже впервые за долгое время соскучилась. Мой парень в легкой тенниске и джинсах, волосы чуть отросли, на лице легкая ухмылка.

– Привет, – Тёма здоровается со мной и награждает поцелуем в щеку.

– Привет, – говорю чуть скованно, поправляя сумку на плече.

Арсений осматривает нас попеременно. Немного хмурится.

– Артём, – тянет мужчине руку и на вопросительный

взгляд адвоката сразу отвечает. – Брат Арины. Двоюродный.

Прикрываю глаза, чтобы не видеть, как они здороваются. Под замедляющим ритм сердцем возникает неприятное саднящее чувство, которое не дает спокойно дышать.

Боже.

Как же сложно оказывается врать. Надо срочно что-то придумать, чтобы поскорее закончить этот фарс.

– Арсений, – отвечает Долинский хладнокровно и обменивается рукопожатием с Тёмой.

Глава 10. Арина.

– Поедем? – спрашивает Тема.

– Да, – пытаюсь улыбнуться. – До свидания, Арсений Рудольфович и извините еще раз.

– До завтра, Арина.

Долинский хладнокровно кивает Тёме и уходит в сторону служебной парковки. А я пытаюсь успокоить гнетущее разочарование в груди. А еще раздражение на Тёму за то, что появился совершенно не вовремя.

– Соскучился по тебе, малыш, – говорит мой парень, слегка приобнимает и уводит руку чуть ниже поясицы. – Выглядишь круче суперзвезды.

– Тёма, – шиплю озираясь. – Зачем ты сказал ему, что мой брат?!

– Дядя Витя предупредил, лучше не отвечивать пока. Машина за углом.

Приехав домой, отправляю Тёму гулять с собаками. Сама же освобождаюсь от ненавистной юбки и встаю под душ. Напевая при этом хит любимого Макана, который в последние недели разрывает все чарты.

Помывшись, выхожу из ванной комнаты в плюшевом теплом халате. Обычно я одеваюсь в спальне, но сегодня даже трусы заранее нацепила.

Знаю, что Тёма приставать будет.

Секс – моя больная тема.

Я его не понимаю. Мне двадцать четыре. Конечно, я не девственница. Было бы максимально странно ею являться, будучи в отношениях длиной в шесть лет. Но и прощенной в области второй чакры я себя не считаю.

Наш секс с Тёмой всегда стремительный и максимально странный. Кроме неприятных ощущений там внизу, я неизменно испытываю что-то вроде брезгливости и позора. Не знаю, возможно, так и должно быть. Близких подруг, чтобы обсудить щепетильную тему у меня нет, а с Надеждой Георгиевной такие разговоры вести мне совесть не позволяет. Умру ведь со стыда.

Пыталась читать в интернете. Даже порноролик однажды смотрела, но там девушка так закатывала глаза и вопила... создалось впечатление, что мужчина своим... хмм... членом раскалывал её надвое, но барышня от этого была в экстазе.

В общем, неправдоподобно, поэтому я закрыла страницу и больше не включала.

Наш с Тёмой секс случается раз в две-три недели. Сначала он психовал, злился, умолял. Даже напрашивался жить вместе, но, слава богу, Виктор Андреевич был категорически против, поэтому я с облегчением выдохнула. Потом как-то привык и теперь, как только приближается негласно установленный срок, я всегда ощущаю раздражение.

– Кисуль, помылась уже? – спрашивает Тёма.

Притягивает меня к себе и вжимается пахом. Целует.

Поцелуи – это единственное в сексе, что более или менее для меня приятно. Но сейчас, когда Темины сухие губы вминаются в мой рот, мне и это уже не нравится.

Возможно, всему виной один-единственный поцелуй с Долинским.

– Будем спать? – шепчет, развязывая пояс на халате.

– Тё-ма, – морщусь и отбираю у него из рук плюшевую ткань. – У меня месячные.

– Я осторожненько, – проговаривает он. – Сейчас только в душ тоже сгоняю.

– Тёма, пожалуйста, давай не сегодня. Я плохо себя чувствую.

– Кисуль...

– Тёма, блин, – шиплю, превращаясь в злобную фурию.

Сваливаю с головы полотенце и тянусь за расческой.

– Всё, лады, – поднимает руки Тёма. – Не дуйся только. Я тогда домой поеду.

– Хорошо, – отвечаю, закрываясь волосами. – Захлопни дверь за собой, пожалуйста.

Он еще пару минут наблюдает за тем, как я готовлюсь ко сну, а потом разворачивается и отдалается.

Совершенно не хочется сгладить собственную грубость и становиться милой. Я так устала притворяться на работе, что дома мне хочется просто быть собой.

На следующее утро собираясь в адвокатскую контору, по-

лучаю сообщение от отчима:

В.А.: «Как у тебя дела? Шацкая приходила, знаю.»

Нервно перевожу дыхание и отвечаю:

«Доброе утро, Виктор Андреевич. Приходила.»

В.А.: «Какие запросы по ней отправили? Жду копии.»

«Пока не знаю. Меня до этого не допускают»

В.А.: «Значит, сделай так, чтобы допустили. Я тебя неоднократно просил быть с Долей поласковее.»

Злость застилает глаза, а то, о чем пишет отчим, выбивает из привычной колеи. Мы так не договаривались. В бешенстве накачиваю большим пальцем ответ:

«Виктор Андреевич, я не буду этого делать. Он мне даже не нравится»

«И вообще, вы хоть понимаете, о чем меня просите?»

В.А.: «Ну-Ну, Аришка. Не передергивай. Работай пока. Будем на связи.»

С облегчением убираю телефон и пытаюсь успокоиться.

Нужно срочно что-то выдумать, чтобы выкрутиться из этой истории.

Возможно, если бы Долинский оказался каким-то озлобленным дядькой без принципов, я вникла бы в их вражду с отчимом. Но Арсений... совершенно не выглядит таким.

За то время пока я тружусь в офисе он ни разу не совершил ничего предосудительного ни в мою сторону, ни в сторону своих доверителей.

Ну разве что из машины меня выпроводил... Сама вино-

вата!

Натянув ту же юбку с рубашкой, еду на работу. Там, как обычно, проветриваю помещение и наполняю вазочку для клиентов свежим печеньем.

Лариса Леонидовна приезжает чуть позже.

– Ариша, – с порога обращается ко мне. – Арсений Рудольфович сегодня будет работать удалённо. Так что мы с тобой за старших.

– Ого, а что произошло? – спрашиваю обеспокоенно.

– Он не поделился со мной, как обычно. Но голос странный. Может, приболел? – предполагает секретарь.

– Возможно, – пожимаю плечами и припоминаю вчерашние таблетки на столе, плюсом непривычную бледность на безупречном лице.

Завершаю работу с папками, состоящими из различных судебных справок и документов. А позднее отправляюсь на прием к нотариусу.

На обратном пути попадаю в дикую пробку и, как только высаживаюсь из маршрутного автобуса, замечаю слабую вибрацию в сумке. Пока разыскиваю телефон среди беспорядка, который, как правило, ношу с собой, ответить не успеваю.

Ого, десять пропущенных с незнакомого номера.

Перезваниваю и лечу сломя голову в сторону офиса.

– Арина, – слышу в трубке зловещий голос. – Где ты?!

Тут же угадываю своего босса и замедляю шаг, пытаюсь

отдыхаться.

– Иду в офис.

– Где документы Шацкой? – узнаёт нетерпеливо.

– У меня с собой.

– Срочно бери такси и вези их мне. Где тебя носит? Мы тебя потеряли.

– Извините, пожалуйста, – начинаю тараторить, – сначала я долго искала кабинет нотариуса, потом...

– Арина, – хрипло рычит в трубку начальник. – Быстрее. Адрес отправлю.

– Ладно, – соглашаюсь, убирая телефон от уха.

Послушно вызываю такси. Назвав адрес из сообщения, отдаю водителю почти пятьсот рублей.

Пока на этой работе я больше трачу, чем получаю и это начинает меня напрягать, так как мой единственный доход – вечеринки в караоке. Там я показываться пока не могу. Соответственно, деньги скоро закончатся.

Выкарабкавшись из автомобиля, поправляю юбку и с интересом оглядываю дом.

Он не новомодный. Наоборот, четырёхэтажный, старой постройки, с глухим двором и проездными арками. По-моему, такие называют сталинками. Проникаю в указанный в сообщении третий подъезд и пешком поднимаюсь на третий этаж.

Дверь тридцать третьей квартиры резонирует с общим антражем своей дороговизной и эстетичностью.

Прижимая к груди папку с документами Яны Альбертовны, налегаю на звонок. Треск замка слышится практически сразу.

– Приехала? – говорит Арсений Рудольфович. Безразлично отворачивается и уходит в коридор, пол которого отделан серым мрамором. – Проходи.

Прикрыв дверь, скидываю ненавистные шпильки и немного размяв ступни, шагаю за Долинским.

Разглядываю широкую спину в тонкой серой футболке. Взгляд соскальзывает к стройным ногам в черных спортивных брюках.

Вообще, непривычно лицезреть его без выглаженной рубашки и стандартного костюма-тройки. Он будто моложе и... проще что ли.

– Кидай сюда, – приказывает, усаживаясь в кресло, рядом с которым располагается низкий журнальный столик, заваленный документами и заставленный пустыми чашками из-под кофе.

– Как вы себя чувствуете? – спрашиваю, аккуратно уложив папку и скромно озираясь по сторонам.

Затем перемещаю взгляд на Арсения. Подмечаю еще более бледный тон кожи, чем вчера. А еще растрёпанные волосы, которые обычно уложены в симпатичную прическу.

Этот факт отчего-то улыбает, но я тут же быстро прихожу в себя и неуклюже откашливаюсь.

– Нормально себя чувствую, – отвечает деловито, вскры-

вая папку.

– А по виду так и не скажешь, – пожимаю плечами. Подхожу к импровизированному камину, чтобы рассмотреть интересные старинные часы и статуэтки. – Я еще вчера заметила, что вы заболели.

– Если ты такой же врач, как и юрист, то избавь меня от окончательного диагноза, – грубовато отзывается, не поднимая глаз.

Безразлично фыркаю в ответ.

Хамло юридическое обыкновенное. Не проживет и дня спокойно, если не нахамит мне.

– Оставляй документы и можешь быть свободна, – произносит Арсений Рудольфович отстраненно.

Еще раз изучаю спутанные волосы цвета пшеницы, тусклую кожу, на которой особо отчетливо выделяются ярко-красные пятна на скулах.

– Чем вы лечитесь? – спрашиваю, подступая ближе. – Я вчера заметила лекарства у вас на столе.

– Ты такая внимательная, – ухмыляется он и с заинтересованностью посматривает в мою сторону.

– Нет, – швыряю в него беглый взгляд. Снова возвращаю своё внимание антиквариату на полке. – Это неправда. Я не внимательная.

– Это был сарказм, – задумчиво чешет подбородок мужчина.

– Я поняла, я не глупая, – киваю и вздыхаю. – Так чем вы

лечитесь, Арсений Рудольфович?!

Глава 11. Арина.

Стараюсь не замечать долгого изучающего взгляда, от которого спина становится липкой.

– Можешь быть свободна, Арина, – слышу невозможно усталый голос.

– Почему вы всегда такой злой? – покачив головой, тихо произношу. – Будто о вас никто не заботился никогда.

Прикусываю язык. Сама в шоке от своей наглости и абсолютной потери субординации. Другая обстановка и одежда делают моего начальника менее влиятельным, что ли. Сейчас он выглядит обычным человеком, которому хреново.

– Забота – слишком дорогая валюта, – погружившись в документы, на автомате произносит Арсений Рудольфович. – Нужно четко понимать, от кого ты ее принимаешь и что в итоге придется за нее отдать.

– Фи, – отзываюсь вяло. – Кто вам сказал подобное?! Я вот постоянно забочусь о своих питомцах. У меня их три. Две собаки и кошка. Было бы странно переводить одно из самых примитивных проявлений человечности в бездушный денежный эквивалент, не находите?

Взгляд вдруг становится таким, будто я порядком его утомила.

– Ты еще совсем зелёная. Не видишь реальности.

– И какая она, ваша реальность? – спрашиваю дерзко, без

спроса усаживаясь в кресло. – Вот так болеть одному?! За бумажками?!

– Ты забываешься, Плевако, – гасит мою бесцеремонность гипнотическим взглядом.

Легко пожимаю плечами. Его холодность и напыщенность ни капли меня не смущают. Мы ведь не в суде, а это значит, что на равных.

Почти.

Я – это я. При любых обстоятельствах.

– У вас красивая квартира, – решаю поговорить на отвлеченные темы. – И очень много модных вещей типа той картины в нашем офисе.

Вовремя прикусываю язык. Статуэтки, конечно, дорогие. Но безвкусные и уж точно не несут в себе какого-то глубокого смысла.

– И почему мне кажется, что это не комплимент? – иронично произносит Дракула. Оставляет бумаги и устраивается в кресле поудобнее, будто его заинтересовал диалог со мной. – Я ведь помню твою нелестную оценку той картины.

– В ней нет души, – замечаю, аккуратно подбирая ноги под себя. Ненавижу эту юбку. Пытаюсь прикрыть колени. – А цена заставляет задуматься об адекватности того, кто вам ее подарил.

Арсений хрипло смеется и растирает веки пальцами. В светло-синих глазах мелькает что-то вроде одобрения.

– Поясни, – просит снисходительно.

– Когда... – вздыхаю и мотаю головой. – Нет, если у меня имеются свободные деньги, я сразу же отправляю их на счет одного приюта для животных. Его открыли двое моих знакомых. Так вот, стоимость живописи, которую вы разместили над чашками с сахарницей, это бюджет такого приюта примерно на полгода. Абсолютно дурацкая трата денег, которые могли бы пригодиться.

– Надеюсь, ты не будешь вспоминать про детей в Африке или про морских китов с их убывающей популяцией?!

– Нет, – давлю смешок. – Об этом не буду.

– И почему же? Они тоже недоедают, вообще-то, – разводит руками.

– Всё просто, Арсений Рудольфович. Я чувствую ответственность только за тех, кто меня окружает. Невозможно помочь всему миру, он слишком огромный. Но мы можем взять на себя заботу о тех, кто в зоне досягаемости.

– Логично, – кивает он и откидывает голову на спинку кресла. Болезненно дышит.

Тело чуть съезжает с кресла, приковывая к себе внимание.

– Чем вы лечитесь? – спрашиваю в третий раз, разглядывая мощный кадык.

– Каким-то порошком, который нашел в офисе, – отвечает тихо.

– А где у вас аптечка?! – озираюсь.

– У меня нет аптечки, Арина. Я никогда не болею.

Закатываю глаза.

– Как Питер Пэн? – спрашиваю с легкой улыбкой.

– Не дерзи, – произносит глухо.

Вдруг становится его жаль. Жалость не приемлю от других, но сама орошаю им окружающих получше всякого пульверизатора.

– Я схожу в аптеку, – быстро поднимаюсь, чуть не упав из-за узкой юбки. – Скажите, что у вас конкретно болит? Может врача вызвать?

– Господи, угомонись, – морщится от боли.

Подхожу к Арсению ближе и вглядываюсь в мужественное лицо. А потом прикладываю руку к широкому лбу. Задерживаю дыхание, потому что это прикосновение отдается чем-то тяжелым внизу живота.

– Блд, – шипит Дракула, расслабляясь под моей рукой.

В первый раз слышу от него крепкое слово. Обычно он более уравновешенный.

– У вас жар, – говор важным докторским голосом. – Горло болит?! Кашель, насморк?

– Футболку снимать надо? – спрашивает Арсений, приоткрыв один глаз.

Нервно сглатываю слюну, быстро пробегаюсь по накаченным мышцам на твердой груди и заливаюсь краской.

– Это лишнее, – скромно отвечаю.

С неохотой снимаю ладонь с горящего лба и отправляюсь в прихожую.

– Куплю вам всё и сразу, раз вы такой вредный.

– Ар-рина, – рычит он из комнаты.

– Скоро буду, – говорю, отпирая дверь.

Выхожу из подъезда и решаю сначала добраться до дома, чтобы переодеться и покормить собак с Тасей. Быстро совершаю привычные действия, наполняю в миску и бегу к шкафу.

Натягиваю джинсы и короткий топ, сверху надеваю желтый вязаный свитер.

Взяв деньги из шкатулки, прячу их в рюкзак. Благодарю бога за то, что могу забыть ненавистные туфли в стороне и завязываю шнурки на кедах.

В аптеке приобретаю всё и сразу. Градусник, противовирусное, таблетки от жара, сироп от кашля, подумав добавляю перцовый пластырь. Затем заворачиваю в супермаркет и покупаю куриную грудку с мелкой вермишелью.

Если Арина Плевако хочет помочь её не остановить. Даже, если она потратит все свои оставшиеся деньги.

Быстро взлетаю на третий этаж и жму на звонок. Это оказывается бесполезным, потому что никто так и не открывает. Дергаю ручку двери, которая, на удивление, открыта.

У человека квартира нафарширована побрякушками покруче какой-нибудь Третьяковки, а он двери не запирает. Странная безалаберность для юриста.

Прохожу внутрь и проворачиваю пару раз замок. Скинув кеды, шагаю в гостиную. Никого нет.

Направляюсь вглубь по коридору до массивной двери и

стучусь в неё:

– Арсений... Рудольфович, – зову ровным голосом, но ответа нет. Опускаю ручку и заглядываю внутрь.

Мой начальник спит. Обнаженный по пояс. Зажмуриваю глаза.

Живо отыскиваю кухню. По-хозяйски проверяю холодильник, который оказывается совершенно пустым.

Кастрюля с водой быстро оказывается на плите. Пока мясо варится, решаю прибрать посуду в гостиную.

Вообще, мне это несвойственно, думаю я, тихонько посмеиваясь. У меня дома такие чашки из-под кофе могут простоять пару дней. Видимо, близкое присутствие Зануды Рудольфовича творит со мной чудеса.

Когда куриный бульон с вермишелью наконец-то готов, снова иду в святая святых хозяина квартиры.

Легонько стучусь и тут же отворяю дверь со стойким желанием его разбудить. Нужно принять таблетки, иначе завтра будет хуже.

– Арсений Рудольфович, – шепчу несмело.

Он лежит на спине и... да, он всё ещё без футболки.

У моего парня отличная фигура и я не дура, прекрасно знаю, как сложено мужское тело, но то, что обычно скрывается под белыми рубашками, меня до глубины души поражает.

Пытаясь не смотреть ниже, разглядываю короткие волоски на груди, и прикладываю ладонь к небритой щеке своего

босса.

Черт. Его тело кипит и плавится.

Быстро несусь в прихожую за пакетом из аптеки и на кухню за стаканом воды. Засовываю градусник в подмышку. Тридцать восемь и девять. Офигеть, блин.

– Арсений Рудольфович, – трясусь его за плечи. Кончики пальцев покалывает от того, насколько приятная у него кожа на ощупь.

Он разлепляет глаза и непонимающе осматривается.

– Вам надо принять таблетки, иначе вы сгорите.

– Какие таблетки? – хмурится сквозь сон. – Опять ты?!
Везде ты, Плевако!

– От температуры, – подношу к его лицу открытую ладонь с пилюлями и стакан воды.

– Отстань, – шипит он, снова откидываясь на подушку.

– Я могу закрыть вам нос и силой их засунуть, – говорю настырно. Я всегда так делаю с собаками.

– Блд, – стонет он в потолок. Резко поднимается и запикает лекарства водой.

– Вот и отлично, – приговариваю. – Вот и хорошо. Вот и молодец.

– Закрой рот, – бухтит Арсений, отворачиваясь.

Показываю широкой спине язык и прихватываю полупустой стакан.

Еще спасибо скажешь, неблагодарный!

Следующий час жду, пока жаропонижающее подействует,

но бледное лицо становится только горячее. Внутренности напрягаются, когда мужчина начинает бормотать во сне что-то невнятное.

Может, действительно надо было вызвать скорую?! На градуснике ровно сорок.

А что, если он умрёт? А мне потом предъявят обвинение в его смерти?!

Пробегаюсь взглядом по прекрасному телу, пытаюсь не обращать внимания на пах. Приближаюсь и обхватываю ступню.

Ноги ледяные.

Надежда Георгиевна всегда говорила, что если ноги холодные, а голова горячая, то снизить температуру не выйдет. В такие моменты медсестра давала нам противную, горькую нош-пу. Вот её-то я и не купила.

Смачиваю полотенце в ванной и аккуратно окутываю им горячую голову, затем открываю гардероб своего работодателя.

Бог ты мой. У него реально гора рубашек и все светлые. Хочется брызнуть краски на этот черно-белый ужас.

Выдвигаю ящик, не дыша на стопки с такими же бесцветными боксерами. Носки в специальном отделении.

Беру три пары и по очереди натягиваю их болеющему на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.